

(1) Рота уже залегла перед броском. (2) Вокруг Альки посвистывало, звучно причмокивало, от деревни доносился треск, будто горели сухие дрова. (3) Ухнули мины. (4) Алька не успел добежать до залёгшей цепи: правую руку ударило, точно палкой, наотмашь, пальцы тотчас скрючились, одеревенели, рука жёстко согнулась в локте. (5) Алька выпустил автомат.

(6) «Наверное, кость раздробило...»

(7) Он попытался вытащить руку из рукава, но она не поддавалась. (8) Алька зажал её между колен, потянул — боли не было, но рука не двигалась. (9) Решив, что она держится на каком-нибудь случайно не перебитом сухожилии, Алька стал неторопливо снимать шинель.

(Ю) Расстёгивать крючки одной рукой было неудобно, он пыхтел, вставал во весь рост; он не замечал свиста пуль и разрывов мин. (11) Он был раненый, выбивший из игры!

(12) Наконец он сбросил шинель, закатал рукава гимнастёрки и нательной рубахи — чуть выше локтя сочилось сукровицей отверстие величиной с клюквину.

(13) Внезапно в памяти возник смех легкораненых, одновременно конфузливый и счастливый смех, и он засмеялся тоже, ругая свою поспешную решимость расстаться с рукой, и пошёл, покачивая её на весу, как младенца, будто жалея.

(14) Шёл он, не торопясь, ни о чём не думая, в умиротворении и гордости: он раненый — и может теперь на вполне законных основаниях не воевать!

(15) Миновал горящую «тридцатьчетвёрку», которая стояла чёрная, закопчённая и пустая, а вокруг пахло горелой резиной и раскалённым железом. (16) Башня, покрытая густым слоем сажки, валялась метрах в десяти: её сорвало взрывом и отбросило от танка. (17) И Степан упал где-то здесь...

(18) Степан, сжимая оружие в руках, согнувшись, лежал поодаль, у неглубокой прозрачной лужи, видимо, пытался ползти, причём не в сторону лазарета...

(19) Стыд огнём ударил Альке в лицо! (20) Он оглянулся воровато и тут же осознал, что он открыт для пуль и осколков.

(21) Алька бросился на землю. (22) В лужу тут же шлёпнулась мина, продолговатая, небольшая мина с перистым грубым хвостом и блестящим ободком у головки. (23) Алька смотрел на неё зачарованно, а мина висела в некоем остановившемся пространстве — времени.

(24) Неожиданно что-то грубо-живое разрушило это жуткое очарование — это Степановы руки дёрнулись, поползли из воды к голове, бороня пальцами мокрую землю.

(25) Алька встал на ноги, огляделся, и душа его вдруг вскипела, распахнув все его чувства и белому небу, и мокрой земле, разрываемой пулями, но особенно Степану, лежащему рядом...

(26) Оглянувшись, Алька вновь увидел свою роту, залёгшую перед новым броском шагах в пятидесяти от него, увидел и поднявшегося уже капитана Польского.

(27) Услышал, как он закричал: «Вперёд!»

— (28) Степан, потерпи, я сейчас... — сказал Алька Степану твёрдым уверенным голосом, левой рукой поднял пулемёт, уложил его ствол на правую, неподвижную и согнутую в локте, и побежал на фланг роты: там — теперь он их видел отчётливо — за соломенным плетнём залегли немцы.

(29) Алька бежал, не помня себя, не чувствуя боли, стрелял на бегу и кричал, кричал слова, которые кричат все солдаты во время атаки и которые почему-то так помогают в бою.

(30) Удар! (31) И как будто резинкой пропахали по волосам ото лба к темени...

(32) Очнулся Алька в госпитальной палате. (33) Над ним склонилась знакомая медсестра, взгляд её был упругим и ласковым, как поглаживание.

— (34) Степана доставили? (35) Сержанта Елёскина?..

(36) Медсестра ответила неторопливым кивком.

— (37) То-то, — назидательно и удовлетворённо прошептал Алька и попросил пить.

(По Р. П. Погдину*)

* Радий Петрович Погдин (1925-1993) — русский советский писатель, поэт и сценарист, художник.